

УДК 821.162.1:821.161.1

Я. Добешевский

«ДОСТОЕВСКИЙ» СТАНИСЛАВА ЦАТА-МАЦКЕВИЧА

Януш Добешевский — Dr hab., профессор, преподаватель Института философии.

Варшавский университет. Адрес: Rzeczpospolita Polska, 00-927, Warszawa, ul. Krakowskie Przedmieście, 26/28.

E-mail: dobieszewski@uw.edu.pl

Аннотация. Статья посвящена книге о Достоевском польского писателя и журналиста Станислава Цата-Мацкевича (также премьер-министра польского правительства в изгнании, который вернулся в Польшу в 1956 году). Ее название — просто «Достоевский». Она не переводилась на русский язык, хотя была замечена и имела отзывы в СССР, после того как появилась в Польше в 1957 году (первое английское издание вышло в 1947 году). Польское и английское издания книги были приняты очень благожелательно, о чем свидетельствуют реакции экспертов, читателей и переиздания. «Достоевский» Мацкевича и по сей день остается живой книгой: ее читают, комментируют и цитируют благодаря четкой и незамысловатой структуре, прекрасному стилю и языку, удачному уравниванию вопросов, связанных с творчеством и жизнью Достоевского, прекрасному сочетанию описательно-объективного

Статья представляет собой авторский перевод с польского Послесловия к книге Ст. Цата-Мацкевича «Достоевский», опубликованного изд-вом Universitas, с добавлениями: (Dobieszewski, 2013).

и субъективно-оценочного аспектов, но прежде всего, благодаря ясному и яркому главному тезису. Он состоит в том, что не было бы Федора Михайловича Достоевского без Анны Григорьевны Достоевской.

Ключевые слова: Федор Достоевский, Анна Достоевская, женщина, достоевщина, символизм, творчество

Ссылка для цитирования: Добешевский Я. «Достоевский» Станислава Цата-Мацкевича / пер. с польск. Я. Добешевского // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 2. С. 87–98.

DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-2-87-98

Я хотел бы сказать несколько слов о книге польского писателя и публициста, знатока русской литературы Станислава Цата-Мацкевича «Достоевский». Ее автор почти два года был премьер-министром польского правительства в изгнании после Второй мировой войны, вернулся в Польшу в 1956 году, надеялся на политическую карьеру, но до этого дело не дошло. Название книги — просто «Достоевский». Это была первая в послевоенной Польше обширная литературоведческая работа о великом русском писателе. Ее не перевели на русский язык, хотя она была замечена и имела отзывы в СССР, после того как появилась в Польше в 1957 году (первое английское издание вышло в 1947 году). Говоря об отзывах, я прежде всего имею в виду обзор Сергея Ларина в журнале «Вопросы литературы» (Ларин, 1959). Он критический. Ларин обвиняет Мацкевича — и это фактически единственная тема обзора, — что он неверно трактует ранний период творчества Достоевского, хочет прекратить всякие разговоры о каких-либо радикальных или хотя бы прогрессивных взглядах молодого писателя, возвести стену между автором «Бедных людей» и петрашевцами, что, по мнению Мацкевича, раннее творчество Достоевского определяет не близость писателя к радикально-демократическим кругам, но некий тяжкий грех, который должен был иметь место в лета его юности. Такая трактовка подводит читателя к заключению, что Достоевский пошел на каторгу не за свои убеждения, а чтобы замолить грешки молодости. Обзор Ларина, на мой взгляд, — довольно предвзятый и односторонний образ книги Мацкевича. Он является скорее документом эпохи написания рецензии, чем представлением действительного содержания книги польского автора.

Тем временем издания книги в Польше и ранее в Англии были приняты очень благожелательно, о чем свидетельствуют реакции экспертов, читателей и переиздания. «Достоевский» Мацкевича и по сей день остается живой

книгой: ее читают, комментируют и цитируют благодаря четкой и незамысловатой структуре, прекрасному стилю и языку, удачному уравниванию вопросов, связанных с творчеством и жизнью Достоевского, прекрасному сочетанию описательно-объективного и субъективно-оценочного аспектов, но прежде всего благодаря ясному и яркому главному тезису.

Этот главный тезис состоит в следующем: не было бы Федора Михайловича Достоевского без Анны Григорьевны Достоевской. Чрезвычайно важная и позитивная роль второй жены писателя в его жизни и для его творчества замечается и ценится многими, но, вероятно, никто не был таким поклонником и покровителем Анны Достоевской, как Мацкевич. По его словам, Аня сыграла буквально спасительную роль в жизни писателя, и даже не вдохновляющую и заботливую, а основополагающую для его гения. Жизнь Достоевского укладывалась, по мнению Мацкевича, в два этапа: сначала «бедность, постоянные тоски и невзгоды», «нервная депрессия» (Cat-Mackiewicz, 2013: 12), а потом — с конца 1866 года, когда он встречается, затем делает предложение и женится на Анне Сниткиной, — время шедевров, которым мы все обязаны Ане. Без нее «имя Достоевского вообще не появилось бы в мировых энциклопедиях» (*ibidem*).

С пониманием относясь к тезису Мацкевича, я хотел бы тем не менее взглянуть на него с определенным критическим (и самокритичным, поскольку я сочувствую ему) намерением, так как думаю, что легко заметить или хотя бы почувствовать некоторую односторонность, одержимость, даже подозрительную страсть «похвалы Ане» у Мацкевича. Это явное восхваление женской силы и гармонии жизни, предусмотрительности, равновесия и заботы о доме, некоторого ощущения горизонта целостности (жизни, мира, бытия вообще), а не уступки сиюминутным порывам, энергиям, тяготам существования. Женское самопожертвование, покровительство — только результат, который без этого легко перерастает в экзальтацию, дешевую сентиментальность, страдание и горечь. Душа Ани, по-видимому, была проникнута жизненным балансом, который не скатывается в сентиментальность или истерику и который, как кажется, имеет иммунитет от этих угроз. Но в таком воспевании жизненной мудрости Ани Мацкевич кажется вдвойне лишенным меры. Во-первых, он ценит ее и с удивительным пренебрежением и одновременно несправедливой опрометчивостью дискредитирует других женщин Достоевского (настоящих и литературных). Во-вторых, он хочет вписать в эту жизненную мудрость Ани все достижения Достоевского и в то же время оградить ее от любых недостатков. Тогда мудрость и любовь Ани были бы необходимым и достаточным условием плодотворности гения Достоевского.

Что касается первого пункта, красивый портрет Ани, казалось бы, предполагает какое-то глубокое понимание Мацкевичем «женского дела» у Достоевского. Между тем автор строг и почти мелочен в осуждении тех женщин из окружения писателя, которые не достигают «уровня Ани», то есть всех, кроме нее. Совершенство Ани было очищено от всех женских угроз и слабостей, перенесенных и воплощенных в образах оставшихся «женщин Достоевского», лишенных Аниных достоинств. Итак, первая жена писателя Мария Исаева (и ее литературные воплощения, обычно больные и искалеченные женщины) — это женщина, «с сердцем полным гнева и ненависти к миру», «никому не нужная баба», «ужасная жена», «омерзительна и омерзительна» (ibid.: 111, 114, 201, 192); Грушенька из «Братьев Карамазовых» — «обычная шлюха», «чувственная банально, жестоко, похотливо» (ibid.: 167, 297); госпожа Мармеладова из «Преступления и наказания» — «жуткая фигура» (ibid.: 186). Мацкевич явно не согласился бы с тезисом, который мне кажется сильным, что у Достоевского все женщины чисты и невинны, что они «софиологичны», что в них есть нерушимое совершенство, хотя и потраченное на вред, опасности и соблазнения (придающие их жизни постоянное напряжение и зависимость), которые, однако, никогда не делают женское моральное и экзистенциальное совершенство потерянным. Совершенство образа Ани сделало Мацкевича, очевидно, слепым к метафизике женственности у Достоевского, что и является следствием не некоторой нечувствительности Мацкевича, а догматического и бросающего тень на других женщин поклонения Ане. Ведь в другом месте и применительно к другому художнику, Льву Толстому, Мацкевич — на этот раз, на мой взгляд, опрометчиво и необоснованно — провозглашает апофеоз женщины и женственности. Одна из глав обширного очерка о Толстом, или, скорее, о жене Толстого, — «Суд над графиней Толстой» в сборнике «Перешедшие в сумерки» — называется «Идеализация женщины Толстым». Мацкевич находит ее особенно в «Войне и мире», однако она была бы уместна для всей позиции писателя, который «был склонен идеализировать женщин, а не ругать их» (Maskiewicz, 1968: 261). Между тем художественная проза Толстого, его этические и нравственные тексты вряд ли вписываются в столь высокую оценку — у него женщины скорее мелкие, злые, испорченные и дьявольские. Кстати, развитие Мацкевичем темы в вышеупомянутом эссе скорее подтверждает этот тезис, чем противоречит ему, делая «идеализацию женщины» у Толстого чем-то просто декларативным¹. Так или иначе, все это у Мацкевича на удивление схематично: у Достоевского «была» блаженная Аня, поэтому другие

¹ См. в связи с этим: (Romaniuk, 2004: 104–106, 165).

женщины — девки и жуткие; у Толстого «была» агрессивная, злая и раздражающая Софья Андреевна, поэтому другие женщины — тонкие идеалы.

Второй момент связан с преувеличенным приписыванием Анне Достоевской единственной движущей силы расцвета гения писателя. «Все шедевры Достоевского, — утверждает Мацкевич, — были созданы только с момента его знакомства с Аней» (Cat-Mackiewicz, 2013: 12). Об этом свидетельствует, с одной стороны, далекий от совершенства и даже неудачный характер произведений периода до знакомства с ней (то есть до конца 1866 года), и это «Бедные люди», «Белые ночи», «Униженные и оскорбленные» (Мацкевич почти всегда упоминает эти три произведения в такой ситуации), и с другой стороны, завершённое (бесконечное?) совершенство пяти великих романов писателя: «Преступления и наказания», «Идиота», «Бесов», «Подростка», «Братьев Карамазовых». Но даже самому Мацкевичу сложно поддерживать это разделение и классификацию. Например, «Хозяйка» (1847) «была не так уж плоха», «Записки из Мёртвого дома» (1862) принадлежат к «шедеврам Достоевского», как и «Село Степанчиково и его обитатели» (1859). Однако периодизация Мацкевича предельно сильно нарушается блестящим, возможно даже самым лучшим романом в творчестве Достоевского — «Преступлением и наказанием», — написанным в 1865–1866 годах. Отметим также, что «Записки из подполья», фактически опущенные Мацкевичем, а некоторыми (например, Львом Шестовым) считающиеся самым важным и блестящим произведением Достоевского, были написаны в 1864 году. Мацкевич защищает свою периодизацию, добавляя средний или промежуточный период в творчестве Достоевского (от его возвращения из ссылки в 1859 году до знакомства с Аней), в котором смешаны еще слабые и уже большие вещи. Добавим, что период шедевров (пять великих романов, включая «Преступление и наказание») также имеет свой более слабый момент в виде «Подростка». Несмотря на прекрасную идею, подготовительную работу и художественную целеустремленность, это произведение навряд ли можно поставить на один уровень с другими романами. На мой взгляд, это только добавляет глубины, полноты и аутентичности личности Достоевского (и Ани).

Книга Мацкевича — не о мировоззрении, творческом послании или метафизике Достоевского (по словам Бердяева, Достоевский был величайшим русским метафизиком, и его иницирующая роль — вместе с Владимиром Соловьёвым — для русского религиозно-философского возрождения на рубеже XIX и XX веков, а потом в эмиграции широко признана). Она посвящена тому, «как жизнь Достоевского повлияла на его творчество». В ней рассказывается об отношениях между этими двумя сферами, из которых исходной точкой и определяющим фактором является жизнь. Но в ней растёт и обратное отноше-

ние — влияние творчества на жизнь. Достоевский, как кажется, принадлежит к тем творцам и мыслителям — таким как Сократ, Паскаль, Кант, Кьеркегор или Соловьев, — чьи жизни невозможно отделить от художественного или интеллектуального творчества, почти все жесты которых, самые сокровенные переживания, даже тривиальные мысли есть одновременно факты культуры, события из сферы универсальности; и чье мышление в то же время придает наиболее универсальным идеям, равно как и очевидным, несокрушимый знак специфичности, оригинальности, новаторства, индивидуальности.

Есть определенный образ Достоевского как личности (а следовательно, и как творца) — образ, на мой взгляд, довольно стереотипный и поверхностный, отчетливые следы которого мы также можем найти у Мацкевича. Итак, у Достоевского было «грустное, неприятное детство» (Cat-Mackiewicz, 2013: 27), которое отразилось в его произведениях в фигурах детей, подвергшихся насилию; он был «сентиментальным мазохистом, возбужденным мучителем себя» (ibid.: 113); человеком, полным комплексов и ипохондриком, «мрачным, жестоким, агрессивным человеком» (ibid.: 203) с деспотичным характером. Но у Мацкевича мы также находим важные и интересные инверсии этих характеристик. Как известно, с Достоевским связывают термин «достоевщина», который исследователь описывает как «настроение людей, стоящих на грани безумия, неспособных контролировать свои сумасшедшие или причудливые страсти» (ibid.: 8). Но, по-видимому, Мацкевич не относит достоевщину к Достоевскому; атмосфера достоевщины характерна скорее для толпы людей, окружавших его, сопровождающих повороты его жизни. Тем временем сам Достоевский обладал некоей внутренней характерологической и духовной силой, защищающей его от разрушительной депрессии, глубоко и надолго укоренившейся в его воле и стремлениях, придающей ему силу и мужество противостоять разрушительным ударам и влияниям судьбы. Таким образом, если детство Достоевского Мацкевич считал мрачным периодом, оказавшим негативное влияние на писателя, то его пребывание в инженерном училище — уединенное и постоянно находящееся под угрозой безжалостного и беспощадного вмешательства коллег — «не имело большого влияния» (ibid.: 32) на позднейшего писателя. Свидетельства Достоевского в связи с делом петрашевцев были «чрезвычайно благородные. Он оговаривает себя, защищая других» (ibid.: 71). «Записки из мертвого дома» — вопреки предположениям и ожиданиям — это «самое веселое, нежное, спокойное произведение» (ibid.: 88) среди, пожалуй, всех произведений Достоевского. Перед лицом экстремальных жизненных проблем, финансовых и издательских неудач, которые могли бы даже людей устойчивого характера довести до отчаяния, срыва, безумия, мы можем вос-

хищаться «гибкостью мозга, нервов и творческих сил Достоевского. <...> Этот, казалось бы, вывихнутый человек обладал свойством резинового мяча, отскакивающего от земли, когда судьба швырнула его на землю» (ibid.: 185).

Трудно недооценить силу характера, силу воли, внутреннюю устойчивость, последовательность, цельность, даже гармонию личности Достоевского, осознавая его решимость быть писателем, несмотря на значительную (после первого восторга) критику, на его переживания, связанные со смертной казнью, каторгой, на запутанные семейные и эмоциональные ситуации. О силе и гармонии личности Достоевского в равной степени свидетельствует его забота о семье, самых близких, а также о семьях своего брата или первой жены. В пользу Достоевского я бы также упомянул способность — немедленную и безвозвратную — избавиться от игровой зависимости, что также отмечает Мацкевич. Об этой силе и внутренней стабильности Достоевского — ясно обозначенной в книге Мацкевича и противоположной истерической и болезненной достоевщине — писали также другие эксперты, и мы хотим это кратко задокументировать здесь во имя сопротивления дешевому стереотипу, который часто сопровождает восприятие личности и творчества писателя. У Леонида Гроссмана мы читаем, что на каторге «нервный и больной Достоевский проявил удивительную храбрость», «силу характера и волю к победе», а также «удивительную энергию»; к жизни после каторжных работ он готовился «деловито, твердо и безупречно» (Grossman, 1968: 152, 171, 181). «Он не вернулся, — заключает Гроссман, — разбитый или сломленный, и он не выглядел разочарованным или морально искалеченным. Он поразил всех своей бодростью и энергией» (ibid.: 198). И еще: «Достоевский никогда не впал в отчаяние»; кто-то знакомый описывает его как человека, «наделенного уравновешенным духом, терпением, здравым смыслом и чувством истины» (ibid.: 289, 294). Вот мнение Андре Жида о Достоевском: «Его ничто не обескураживает, ничто не может его победить»; «Он мог повторить вслед за Пузенем: “Я никогда ничем не пренебрегал”» (Gide, 1997: 32, 217).

«Бездонное» творчество Достоевского легко, слишком легко, подсказывает не только в целом болезненный, психотический образ личности писателя как таковой, но и побуждает к более детальному осмыслению и интерпретации определенных моментов его литературного наследия, таких как облаченные в художественную форму загадочные следы, даже мрачные события из его жизни, которые вели бы к решительному прояснению этой чисто литературной стороны вопроса. Насколько мне известно, сегодня никто всерьез не защищает рассуждения о том, что хладнокровная точность подготовки Раскольникова к убийству, отчаянное состояние необратимости содеянного, раскаяние и,

наконец, недостижимость возврата к повседневному существованию после убийства можно объяснить лишь тем, что это должно было случиться с самим Достоевским в его реальной жизни. Однако еще один устрашающий мотив из романа Достоевского (повторенный дважды) бросает суровую тень на биографию писателя, и мы находим эту тень в книге Мацкевича. Речь идет об изнасиловании девушки, сначала фигурирующем в «Преступлении и наказании» как предложенный эпизод из жизни Свидригайлова, а затем в «Бесах» — в «Исповеди Ставрогина» — как драматическое и относительно широко описанное (хотя и в завуалированной, двусмысленной, таинственной форме) событие из жизни Ставрогина.

В первых частях своей книги Мацкевич пишет по этому поводу совершенно загадочно или двусмысленно (Достоевский «имеет совесть, отягощенную каким-то тяжким грехом»; Достоевский живет с призраком комплекса, «от которого он не может освободиться, мы не знаем, действительно ли из-за того, что в юности он совершил преступление, в котором обвиняет себя, или наоборот — комплекс был настолько силен, что под его влиянием Достоевский придумал сделать предложение себе, что он совершил это преступление»). Но далее Мацкевич пишет об этом преступлении как о факте, и остаются неясными только имя и происхождение жертвы, а также место происшествия. Позиция исследователя в данном случае кажется довольно неожиданной, удивительно несдержанной и ненюансированной, игнорирующей историческую и общественную подоплеку кошмарного обвинения, как и — что Мацкевич должен принять во внимание — точку зрения и поведение Анны Достоевской в этом случае. Дело обнаружилось после смерти (в 1881 году) Достоевского, в письме Николая Страхова Льву Толстому в ноябре 1883 года, но опубликованном только в 1913 году (Страхов умер в 1896 году). Письмо было оскорбительным для Достоевского, полным клеветы, и хотя авторы исследований о Достоевском не игнорируют его, но относятся к нему с дистанцией, даже с подозрением, считая мелкой и неблагодарной игрой Страхова (Grossman, 1968: 216) или «литературной сплетней» (Urbankowski, 1978: 30; Mann, 2000: 225–226). В любом случае большинство авторов воздерживаются от окончательных суждений (Lazari, 2000: 30). Анна Достоевская узнала о письме Страхова только после того, как оно было опубликовано, а Леонид Гроссман описывает ее более позднюю реакцию на письмо следующим образом: «Если бы Страхов был жив, — сказала Анна Гроссману, — независимо от моего возраста, я бы немедленно поехала к нему и дала ему пощечину за эту подлость» (Grossman, 1968: 216; Dostojevska, 1974: 455–459). Дополнительным косвенным аргументом в пользу Достоевского в этом вопросе должны стать «Лекции по русской литературе» Владимира

Набокова. Он является, возможно, самым радикальным критиком творчества Достоевского и с нетерпением стремится утвердить свое убеждение в недостатках и невротизме произведений писателя в событиях его жизни и его личности. И здесь, ни в «биографическом» предисловии к лекциям о Достоевском, ни в отдельном разделе, посвященном «Бесам», мы не находим у Набокова упоминания анализируемого нами дела (Nabokov, 2002: 137–185).

Сегодня популярно и модно смотреть на произведения Достоевского с символической точки зрения — они и их содержание воспринимаются как знаки, относящиеся к другой (высшей, божественной) реальности, и как определенные коды (например, символическая этимология фамилий или имен персонажей), расшифровка которых должна привести к более глубокому осознанию смысла художественных и мировоззренческих идей писателя. Должен признаться, что такое прочтение его произведений кажется мне весьма сомнительным, снижающим их моральный вес и экзистенциальную серьезность, делает их фактически более или менее банальной игрой. Все указывает на то, что мнение Мацкевича в данном случае было таким же: герои Достоевского избегают, по его мнению, простого и однозначного признания как с точки зрения их прототипов, так и с точки зрения их идеологического послания. С одной стороны, «Достоевский, когда он изображал кого-то, он создавал не одного, а нескольких людей» (Cat-Mackiewicz, 2013: 9), а с другой — «может быть, даже чаще, он объединяет нескольких людей, которых он знает, в один вымышленный тип» (ibid.: 222). В любом случае нет здесь простых зависимостей и однозначных соответствий, и Мацкевич не дает нам заведомо встречаемых в литературе о Достоевском якобы эрудированных, но мало объясняющих, при этом схематизирующих и догматизирующих указаний, как то, что фамилия Раскольников от раскола, а Ставрогина от *stauros* (крест). «Герои романов Достоевского, — как метко и как современно пишет исследователь, — это не люди-символы, а живые люди, целые люди, это не люди-фрагменты, а художественно сформированные человеческие личности. <...> Достоевский не знает, не понимает и ненавидит концепцию монолитных людей, людей из одного блока» (ibid.: 10–11).

«Достоевский» Мацкевича показывает и подтверждает, что творчество Достоевского — не какая-то «упаковка в символы», не «шифрование», которое имело бы однозначное, убедительное и успокаивающее решение. Это вершина реализма, не нуждающаяся в дополнительном усложнении содержания, потому что это содержание достаточно, так как оно бесконечно сложно. Достоевский достигает самой реальности, реальности человека, личности, и он не подражает этой реальности ни в каком символизме. Это сложная, бесконечно

сложная реальность, и потому для нее требуются многостраничные объяснения — хотя и не доходящие до конца, — а не символы для кодирования и декодирования. Придание слишком большого значения этимологии имен или фамилий грозит обнищанием многомерности, многосторонности и динамики главных героев русского писателя, помещением их в корсет схемы, вместе с чем все его творчество лишается уникальности и мастерства.

Литература

Ларин, 1959 — *Ларин С.* Достоевский под пером Ст. Мацкевича // *Вопр. литературы.* 1959. № 2. С. 229–237.

Cat-Mackiewicz, 2013 — *Cat-Mackiewicz Stanisław.* *Dostojewski.* Kraków: Universitas, 2013. 348 s.

Dobieszewski, 2013 — *Dobieszewski J.* Kilka dodatków do “Dostojewskiego” Stanisława Cata-Mackiewicza // *Cat-Mackiewicz Stanisław.* *Dostojewski.* Kraków: Universitas, 2013. S. 313–327.

Dostojewska, 1974 — *Dostojewska A.* *Wspomnienia / przeł. Z. Podgórzec.* Warszawa, 1974.

Gide, 1997 — *Gide A.* *Dostojewski. Artykuły i wykłady / przeł. K. Kot,* Warszawa: KR, 1997. 248 s.

Grossman, 1968 — *Grossman L.* *Dostojewski / przeł. S. Pollak.* Warszawa: Czytelnik, 1968. 492 s.

Lazari, 2000 — *Lazari A. de.* *W kręgu Fiodora Dostojewskiego.* Poczwiennictwo. Łódź: Ibidem, 2000. 189 s.

Mackiewicz, 1968 — *Mackiewicz Stanisław Cat.* *Odeszli w zmierzch. Wybór pism 1916–1966.* Warszawa: Pax, 1968. 368 s.

Mann, 2000 — *Mann T.* *Dostojewski — z umiarem, i inne eseje / przeł. J. Błoński.* Warszawa: Muza SA, 2000. 286 s.

Nabokov, 2002 — *Nabokov V.* *Wykłady o literaturze rosyjskiej / przeł. Z. Batko.* Warszawa: Muza SA, 2002. 414 s.

Romaniuk, 2004 — *Romaniuk R.* *Dramat religijny Tołstoja.* Warszawa: Biblioteka “Więzi”, 2004. 216 s.

Urbankowski, 1978 — *Urbankowski B.* *Dostojewski — dramat humanizmów.* Warszawa: Krajowa agencja wydawnicza, 1978. 346 s.

© Universitas, Kraków, 2013

© Добешевский Я.,
пер. с польск., 2021

“DOSTOYEVSKY” BY STANISLAV TSAT-MATSKEVICH

Janusz Dobieszewski — Dr hab., Professor, Institute of Philosophy.

University of Warsaw. Address: 26/28 Krakowskie Przedmieście Str., Warsaw, 00-927, Poland.

E-mail: dobieszewski@uw.edu.pl

Abstract. The article is devoted to the book about Dostoevsky by the Polish writer and journalist Stanislaw Cat-Mackiewicz (also the prime minister of the Polish government in exile, who returned to Poland in 1956). The book title is “Dostoevsky”. It was not translated into Russian, although it was noticed and had reviews in the USSR after it appeared in Poland in 1957 (the first English edition was in 1947). The Polish and English editions of the book were very well received, as evidenced by the reactions of experts, readers and the reprints. To this day Mackiewicz’s “Dostoevsky” remains a living book: it is read, commented on and quoted. This is due to its clear and uncomplicated structure, excellent style and language, a successful balancing of issues related to Dostoevsky’s work and life, an excellent combination of descriptive-objective and subjective-evaluative aspects, but above all, thanks to a clear and vivid main thesis. This main thesis is that there would not have been Dostoevsky without Anna Dostoevskaya.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Anna Dostoevskaya, woman, dostoevshchina, symbolism, creativity

For citation: Dobieszewski, J., 2021. “Dostoevsky” by Stanislav Tsat-Matskevich’, translated from the Polish by J. Dobieszewski, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(2), pp. 87–98. (In Russ.)

DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-2-87-98

References

Larin, S., 1959. ‘Dostoevskii pod perom St. Matskevicha’ [‘Dostoevsky under the pen of St. Matskevich’], *Voprosy literatury*, (2), pp. 229–237.

Cat-Mackiewicz, S., 2013. *Dostojewski* [Dostoevsky]. Kraków: Universitas Publ.

Dobieszewski, J., 2013. ‘Kilka dodatków do “Dostojewskiego” Stanisława Cata-Mackiewicz’ [‘A few additions to the “Dostoevsky” by Stanislav Tsat-Matskevich’], in Cat-Mackiewicz, Stanisław. *Dostojewski* [Dostoevsky]. Kraków: Universitas Publ., pp. 313–327.

Dostoevskaya, A., 1974. *Wspomnienia* [Memories]. Translated from the Russian by Z. Podgórzec. Warszawa.

Gide, A., 1997. *Dostojewski. Artykuły i wykłady* [Dostoevsky. Articles and lectures]. Translated from the French by K. Kot. Warszawa: KR Publ.

Grossman, L., 1968. *Dostojewski* [Dostoevsky]. Translated from the Russian by S. Pollak. Warszawa: Czytelnik Publ.

Lazari, A. de, 2000. *W kręgu Fiodora Dostojewskiego. Pochwennichestwo* [In the circle of Fyodor Dostoevsky. Pochvennichestvo]. Łódź: Ibidem Publ.

Mackiewicz, St. Cat, 1968. *Odeszli w zmierzch. Wybór pism 1916–1966* [They left at dusk. Selection of writings 1916–1966]. Warszawa: Pax Publ.

Mann, T., 2000. *Dostojewski — z umiarem, i inne eseje* [Dostoevsky — in moderation, and other essays]. Translated from German by J. Błoński. Warszawa: Muza SA Publ.

Nabokov, V., 2002. *Wykłady o literaturze rosyjskiej* [Lectures on Russian literature]. Translated from the Russian by Z. Batko. Warszawa: Muza SA Publ.

Romaniuk, R., 2004. *Dramat religijny Tolstoja* [Tolstoy's religious drama]. Warszawa: Biblioteka "Więzi" Publ.

Urbankowski, B., 1978. *Dostojewski — dramat humanizmów* [Dostoevsky — the drama of humanisms]. Warszawa: Krajowa agencja wydawnicza Publ.